

**К проблеме становления норм русского литературного языка XVIII века: стиль
рукописной повести «История о некоей купеческой дочери...»**

«История о некоей купеческой дочери...» – памятник рукописной литературной традиции середины XVIII века, обнаруженный в составе старообрядческого сборника 1780-х гг. и опубликованный в 2003 г. исследователем М.Н. Климовой (Томск, СО РАН [2]; далее в статье цитаты приводятся по этой публикации). Данная датировка отсылает к периоду активной нормализации русского литературного языка: уже созданы работы В.Е. Адодурова, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова; приближается период карамзинских реформ. Однако текст «Истории...» зафиксировал состояние русского языка Петровской эпохи, еще не испытавшего влияния теоретических установок писателей середины XVIII в. Сюжет повести тривиален для своего времени, см. ее полное название: «История о некоей купеческой дочери и ея злострании, како много претерпе от зависти любовной». Текст можно отнести к «чувствительно-нравоучительной» прозе [3, с. 118], в жанровом отношении он совмещает черты сказочной, любовной и авантюрной повести. «История...» является переработкой зарубежного сочинения: она насыщена европейскими заимствованиями, в том числе еще не освоенными русским языком начала XVIII в. (*фиазомия, илюбка, драбант, фатера* и др.); герои (почти все, включая главных, безымянные) живут *в странах восточных во граде Париж*, но при этом они *возпитаны в православии; всею Францыею* владеет король, который *путешествует с визирами, и паши, и со всем енералитетом*.

До настоящего времени «История...» не привлекала внимания лингвистов-историков. Задача настоящей статьи – проанализировать выбор автором (переводчиком) «Истории...» отдельных стилистически и генетически разнородных языковых средств на уровне морфологии и лексики с точки зрения их тексто- и стилеобразующей функции. В этом выборе отражается конкретный этап развития русского литературного языка и, в частности, развития его художественного стиля.

Стилистика морфологических средств. Формы глагола. В «Истории...» используются формы **аориста** и **причастия на -л-**, что является обычным для повествовательных сочинений начала, но не конца XVIII в.: *резидент велел заложить коней... сам же вседла карего коня*; (управитель) *егда от болезни свободился, и нача приходить в прежнее здравие* и др. Формы на -л- преобладают, однако незначительно. Выбор форм в повествовании от автора не обусловлен контекстом. В прямой речи

героев аорист не используется, за исключением единственного примера в обращении дочери к отцу при прощании: *О вседражайший мой родителю, аще Бог молитв ради твоих спасет мя живу до благополучнаго в дом прибытия твоего, вся сия, еже слышах от тебе, сохраню. Точию прошу, подаждь мне свою молитву и благословение.* Фраза включает ряд маркированных церковнославянизмов, служащих речевой характеристикой героини и, очевидно, отражающих авторское представление об «образцовом» иерархичном общении, ср. диалог этой же героини с братом: *«Батюшка братец, поведай мне, что за причина предала, что озлобицца на меня отец и велел предать смерти? – Ничего не могу знать, моя вседражайшая сестрица».*

Яркой стилистической чертой «Истории...» является использование церковнославянизмов в кульминационных эпизодах. Эти эпизоды, в основном, связаны не с открытием героям сакральных истин, обращением их к Богу, а с возникновением и осуществлением коварных замыслов их врагов. Например, по сюжету героине предстоит испытание: ее пытается обольстить управляющий. Автор предупреждает о грозящей опасности: *Видев же окаянный диявол, яко сам возмутити ея не возмог, нача возмущати прежде упоминаемаго дому ея управителя, да приведе ея к себе в ближний конферияток.* Формы **имперфекта** появляются именно в таких контекстах: (управляющий) *к ней в полаты **хождаше**, обаяния же... многажды ей **подаше**. Она же ничего о сих не **ведаше**...;* (героиня после побега из дома) *прежде бо от самых пелен в жалости родительской жила, от недр его никогда не **отлучашеся** и пищаи различными **наслаждашеся**, ныне же **желаше** насытити чрево свое от рожец.* Церковнославянизмы придают повествованию драматичное звучание, с их помощью автор стремится держать читателя в напряжении.

Формы **инфинитива** с суффиксом *-ть* абсолютно преобладают в повести над формами с суффиксом *-ти* (в отличие от письменности начала XVIII в., см.: [1, с. 184]), последние употребляются в контекстах, подобных приведенным, наряду с другими маркерами книжности: (прямая речь героя-резидента) *да повелит держава твоя глаголати*. В.М. Живов, анализируя эволюцию русского языка XVIII в., отмечает парадоксальность истории форм аориста и имперфекта: «Во второй половине XVIII в. простые претериты могут... возвращаться в новый литературный язык, получая особую стилистическую функцию...» [1, с. 557]; «в светской письменности этого времени они «рассматриваются как элемент низовой культуры» [там же, с. 564]. «История...», как рукописная повесть, иллюстрирует именно такое употребление: архаичность ее языка отражает попытку автора и переписчика изъясняться «литературно», но текст в результате этого оказывался «неэлитарным».

В повести употребляются только флексии типа *-ешь, -ишь* в формах **2 sing**, в том числе в книжной лексеме *восхо^ешь*. Постфиксы *-ся* и *-сь* не дифференцируются, например (монолог жениха героини): *Весьма бою^сь же того, чтоб нас с тобою не разлучили <...> токмо бою^ся, чтоб за преступление королевскаго повеления не принять себе великаго гнева*. Такое употребление обычно для светской литературы середины XVIII века.

Формы имен. Именное и адъективное склонение отражает сосуществование старых и новых, церковнославянских и русских флексий, как в речи от автора, так и в репликах героев: Д.п. *святым местом* – *по оперным домам*, П.п. *в высокоподчтенных домех* – *по малех dneх* – *на древах* (в целом, экспансии форм на *-а* в тексте нет), И.п. *непристойныя поведенцы* – *великие банкеты*, И.п. *конский* топот – *королевской дворец*, Р.п. от *великия* жалости – *честной фамилии* и подобные. Флексии на *-ого* – *придворного адъютанта* – отмечены единично, многочисленны формы типа *сердца свинаго*, *веселаго пирования* и др. Предсказуемо использование архаичных форм в устойчивых контекстах, однако последовательного распределения флексий между лексемами разного происхождения и стиля нет, ср.: *не ведая потаенного волка* (волк – метафора злодея) – *из ездоваго покою*.

Стилистика лексических средств. В повести, сохранившей состояние русского языка начала XVIII в., сталкиваются маркированные церковнославянизмы, русские разговорные слова и заимствования. **Церковнославянская** лексика выполняет характеризующую функцию в речи героев и автора. Любопытно, что ее активно используют отрицательные персонажи – возможно, автор пытался показать их коварство через мнимую словесную благочестивость. В тексте большое количество экспрессивных сложных слов с компонентом *зло-*: *злострада^етельно*, *злострада^етельно*, *всезлобная* и др. **Разговорных** слов, в целом, немного: *шаталась* ‘ходила’, *кликнула* ‘позвала’, *померли*; они используются в тех же контекстах, в которых встречаются слова высокого стиля (ср. даже имперфект *шата^ешься*). Данные лексемы употребляются только в речи от автора и являются не стилистическим приемом, а, скорее, отражением слабой художественной обработки текста.

Почти все заимствования в «Истории...» известны современному русскому языку (либо как слова активного запаса, либо как распространенные историзмы); текст фиксирует начальный этап их освоения: *афицер*, *креминальный*, *орегинал*, варианты *апартаменты* – *апартамент*, *ка^ерта* – *корета*. В художественном тексте все они служат средством создания «местного колорита», при этом лишь некоторые выполняют собственно номинативную функцию, называя новые понятия (*шпага*, *атъютант*,

камернаж). Использование большинства заимствований обусловлено языковой модой: эти слова имеют славянские эквиваленты, которые встречаются в самом тексте и образуют синонимические пары и ряды, обогащая язык повести: *банкет – пирование, конплемент отдал – похвалил, апартаменты – камора (комора) – покои – палата, персона – особа* и др. Языковую моду начала XVIII в. отражают слова с иноязычными корнями *одешипитрел* ‘смутилась, отчаялась’, *блезирство* ‘приятный вид’, которые начали «встраиваться» в систему русского языка, однако не смогли закрепиться в ней, очевидно, в силу семантических и стилистических факторов.

В «Истории...» используются тавтологические обороты *с принуждением принудил, забавлялась забавами*, свойственные народной речи. Наряду с ними употреблено выражение *презентовал драгими презенты*. В таком употреблении нам видится удачная попытка языкового сознания XVIII века не только использовать заимствования как показатели новой или экзотической культуры, но и включить их в русскую народную словесность. Также показателен оборот *триумф и ликование*, созданный по модели бинарных конструкций типа *радость и веселие*.

Язык «Истории...», грамматически и лексически эклектичный, анахроничен по отношению к периоду ее бытования, однако он адекватен консервативному сознанию той среды, в которой повесть распространялась. В этой среде церковнославянизмы продолжают оставаться главным средством создания «благочестивого» (или «псевдоблагочестивого») образа и средством предвосхищения драматического поворота в сюжете. Текст отражает процесс освоения новых слов русским языком в его разговорной разновидности, в том числе на уровне идиоматики. Для истории русского литературного языка повесть особенно значима тем, что представляет «низовую» словесность второй половины XVIII в., далекую от нормализаторских программ; она показывает, насколько речевая практика отставала от филологической теории.

Литература

1. Живов, В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII –XVIII вв. / В. М. Живов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 655 с.
2. Климова, М.Н. История о некоей купеческой дочери и ея злострадании, како много претерпе от зависти любовной / М. Н. Климова // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI - XX вв. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 287–308.
3. Кузьмина, В.Д. Повести Петровского времени / В. Д. Кузьмина // История русской литературы: в 10 т. Т. 3: Литература XVIII в. Ч. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 117–136.

**К проблеме становления норм русского литературного языка
XVIII века: стиль рукописной повести «История о некоей купеческой
дочери...» (О.В. Зуева)**

Аннотация

В статье анализируются стилистические особенности текста рукописной повести конца XVIII века на уровне морфологии и лексики. Описывается характер взаимодействия стилистически маркированных исконно русских языковых единиц, церковнославянских и европейских заимствований. Устанавливается степень соответствия речевой практики теоретическим филологическим программам.

**On the problem of the norms forming in the Russian
literary language of the XVIII century: the style of the handwritten tale
«The Story of a merchant's daughter...» (Olga V. Zuyeva)**

Summary

The stylistic features of a handwritten story of the XVIII century at the morphological and lexical levels are analyzed in the article. The interaction of stylistically marked old-Russian linguistic units, Western Church Slavonic and European borrowings is described. The degree of correspondence between real speech practice and theoretical philological programs is revealed.